

II. Исторические исследования

1. Античная Греция

С.Г. Карпюк

Снежные парасанги:

зима и зимние холода в сочинениях

Ксенофонта Афинского*

Какая причина может подвигнуть историка на включение климатических изменений в сферу своих профессиональных интересов? Конечно же, глобальные климатические изменения оказывали и, возможно, оказывают влияние на историческое развитие человечества. И здесь исторические (или псевдоисторические) обобщения кажутся уместными и иногда оказываются востребованными. Хотя история ни в древности, ни в современности не претендовала на роль «царицы наук», разве что «учительницы жизни», однако гордыня генерализации, ὕβρις обобщения событий прошлого историкам все-таки присущ. Недаром же существует такое понятие, как «вспомогательные исторические дисциплины». Историк-античник находится в комфортных условиях: археологи выкапывают, эпиграфисты и папирологи прочитывают, филологи-классики издают, переводят и комментируют тексты, а исполненные высоких мыслей историки используют препарированные и подготовленные исторические источники для реконструкции событий или даже, страшно сказать, воссоздания целостной картины прошлого.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 06-06-80078-а «Восприятие зимы и способы преодоления холодов древними греками в архаический и классический периоды (VIII–IV вв. до н.э.)». Два варианта статьи были обсуждены в Санкт-Петербургском государственном университете 25 апреля 2006 г. на конференции «Античное общество – VIII: Феномен глобализма в античном мире» и в Москве 15 мая 2006 г. на кафедре античной культуры РГГУ в рамках семинара «Современные проблемы антиковедения». Автор выражает признательность коллегам за участие в обсуждении и ценные замечания.

Однако и сама история может – в некоторых случаях – выступать как вспомогательная дисциплина, и историк вполне в состоянии собирать сведения, к примеру, о климате и климатических явлениях прошедших эпох, а затем предоставлять их в распоряжение климатологов, которые используют их для реконструкции климата. Причем делать это должны именно историки, которые могут квалифицированно анализировать исторические источники, а не использовать их иллюстративно, для «доказательства» предвзятых идей.

К тому же отношение к климату, восприятие климатических условий людьми – одни из важнейших параметров любой цивилизации, неотъемлемая часть «истории повседневности», «тривиальной истории», без изучения которой невозможно воссоздание целостной картины прошлого.

Что касается климата древней Греции, то он и недостаточно изучен, и недостаточно учитывается историками при реконструкции событий прошлого. В научной и учебной литературе распространены несколько предубеждений, которым, по моему убеждению, следует противостоять.

1. Климат древней Греции обычно излишне идеализируют. К примеру, вот что писал о нем немецкий ученый конца XIX в. Герман Вейс: «Климат, суровый в гористых местностях, на большей части территории умеренный: зной, смягчаемый морским бризом, редко бывает томительным даже на юге полуострова. Воздух необыкновенно чист и прозрачен. Такие климатические условия не могли не повлиять благотворно на древнейшее население Греции и не побудить его к деятельности»¹. И в современных пособиях содержится некая обобщенно-положительная характеристика древнегреческого климата, зимний период часто не рассматривается².

Конечно, как для древней, так и для современной Греции характерен достаточно комфортный средиземноморский климат. Его основные характеристики следующие (согласно Ашману – Салларесу): 1) достаточное количество дождей для осуществления успешного земледелия без искусственного орошения в большинстве лет, но недостаточное для поддержания либо густых хвойных, либо широколиственных листопадных лесов; 2) мягкие зимы

¹ Вейс Г. История культуры народов мира. Древняя Греция. Истоки европейской цивилизации. М., 2005. С. 3.

² См., например: Werner P. Life in Greece in Ancient Times. Fribourg, 1977 (нет ничего ни о зимней одежде, ни об обогреве жилищ).

без интенсивных и продолжительных периодов холодной погоды; 3) по меньшей мере 65% от всех осадков выпадает в зимнюю половину года, при отчетливом сухом сезоне в течение лета³.

Часто средиземноморский климат определяют описательно, как характерный для областей, пригодных для произрастания оливкового дерева и виноградной лозы.

Средиземноморский климат, тем не менее, вполне совместим с зимними холодами, правда, кратковременными. Еще Геродот в египетском логосе писал о том, что снег не может идти дольше пяти дней подряд, а затем обязательно переходит в дождь (II, 22). Даже для современного климата Средней Греции характерны минусовые температуры зимой: об этом свидетельствуют данные метеорологических наблюдений Афинской обсерватории. Сильные снегопады являются редким, хотя и не уникальным явлением для этих широт: достаточно вспомнить знаменитый афинский снегопад начала января 2002 г., когда выпало около 40 см снега, и премьер-министр Греции Костас Симитис объявил чрезвычайное положение. Среднесуточная температура в Афинах (37°58'N) в январе – феврале не превышает 10°C, а в наиболее холодные годы 7°C (данные 50–70-х годов XX в.), абсолютные минимумы: -3,7°C (для декабря), -4,4°C (для января), -5,7°C (для февраля)⁴.

2. Климат древней Греции неоправданно отождествляют (или приравнивают) к климату современной Греции. Из книги в книгу уже почти век кочует утверждение, что климат классической Греции соответствует современному⁵. Оно основывается на сравнении наблюдений греческого метеоролога Эгинитиса со сроками цветения растений, описанных в ботанических трактатах Феофраста, относящихся примерно к 300 г. до н.э.⁶ Они совпали. Но ведь

³ Sallares R. *The Ecology of the Ancient World*. L., 1991. P. 390.

⁴ Müller M. *Handbuch ausgewählter Klimastationen der Erde*. Universität Trier. Forschungsstelle Bodenerosion. 1983.

⁵ См., например: Phillipson A. *Das Klima Griechenlands*. Bonn, 1948; Aymard A. // REA. 1951. Т. 53. № 1-2. P. 127.

⁶ «Среди историков древности существует согласие о том, что климат Греции V и IV вв. до н.э. виртуально идентичен современному климату. Это заключение в основном основывается на распространении и поведении различных видов растений, описанных Феофрастом. Эгинитис пришел к заключению, что средняя температура около 300 г. до н.э., во время Феофраста, соответствовала современным значениям» (Sallares R. *The Ecology of the Ancient World*. P. 391).

двухтомник Эгинитиса был опубликован в 1907–1908 гг. и основывался на наблюдениях предыдущих десятилетий⁷. А климат конца XIX в. значительно отличается от климата начала XXI в. Известные английские археологи Энтони Снодграсс и Оливер Рэкхем ввели понятие «вчерашней Греция» (Greece of Yesterday), используемое для описания ландшафта⁸. Но «вчерашним» может быть не только ландшафт, но и климат. Климат классической Греции был близок климату конца XIX в. («вчерашнему»); следует только учитывать, что в это время в Европе был один из пиков так называемого «малого ледникового периода», а климат современной Греции значительно теплее.

О том, что климат древней Греции был холоднее современно, свидетельствуют как естественнонаучные данные, так и свидетельства античных авторов. Историки климата, оперирующие результатами дендрохронологии, бурения ледников, исследования пыльцы древних растений, повышения и понижения уровня морей и внутренних водоемов, единодушны в том, что начало и середина I тысячелетия до н.э. – период похолодания (точнее, нескольких похолоданий), наиболее сильных в Северном полушарии за последние 10 тысяч лет, причем они даже несколько более существенны, чем знаменитый «малый ледниковый период» в Европе, продолжавшийся примерно с XIV по начало XX вв. н.э. Для Греции и Северного Причерноморья эти аномалии колебались между $-0,5^{\circ}$ и -1°C зимой⁹ и между -1° и -2°C летом¹⁰.

В специальной научной литературе давно утвердился термин «потепление римского времени», что означает превышение современного уровня средних температур в период между I в. до н.э. и III в. н.э. С полным основанием можно говорить также и о холодном климатическом фоне древнегреческой цивилизации, имея в виду архаический и классический периоды ее развития.

3. При реконструкции климата древних эпох многие ученые, стремясь построить стройные научные концепции, легко поддава-

---

⁷ См. Aymard A. Op. cit. P. 126.

⁸ Snodgrass A. An Archaeology of Greece. Berkeley, 1987; Rackham O. Ancient Landscapes // The Greek City from Homer to Alexander / Ed. O. Murray, S. Price. Oxf., 1990. P. 87–92.

⁹ Клименко В.В. Холодный климат ранней субатлантической эпохи в Северном полушарии. М., 2004. Рис. 7.

¹⁰ Клименко В.В. Холодный климат... Рис. 6.

лись и поддаются «соблазну циклизма»¹¹, стремясь определить период повторяющихся климатических колебаний. Из последних подобных построений следует отметить гипотезу В.В. Клименко (2400 лет)¹², а также Мони́на – Берестова (1600 лет)¹³. Другие ученые (Филлипсон, Андре Эмар и Ле Руа Ладюри) выступали против подобного подхода, но по разным побудительным причинам (первые двое утверждали, что климат с античных времен не изменился)¹⁴. Климатический детерминизм некоторых исследователей носит односторонний характер и далек от объективности: климат – лишь один, причем далеко не самый главный, фактор исторического развития¹⁵. Реконструкции климатологов иногда сомнительны и базируются на недоказанных допущениях. К тому климатические колебания в период античности были не настолько катастрофичными, достаточно постепенными; они не слишком впечатляют на фоне современных климатических изменений.

Одна из последних историко-климатологических гипотез – представление о том, что период второй половины V – начала IV вв. до н.э. был временем относительного потепления. «Тщательное изучение наиболее точно датированного экспериментального материала (в общей сложности более 30 независимых исследований) позволяет нам характеризовать события ESA [ранней субатлантической эпохи] как асимметричный двойной холодный эпизод, в котором два этапа похолодания были разделены кратковременным потеплением примерно между 450 и 380 гг. до н.э.»¹⁶. Но именно этот период почти соответствует датам жизни Ксенофонта, на сочинениях которого в этой связи стоит специально остановиться.

* * *

Ксенофонт Афинский относится к тем авторам, который, по мнению историков и филологов начала и середины прошлого века,

¹¹ «Демону цикломании» (Ле Руа Ладюри Э. История климата с 1000 года. Л., 1971. С. 15).

¹² Клименко В.В. О главных климатических ритмах голоцена // Доклады РАН. 1997. Т. 357. № 3. С. 399-402.

¹³ Монин А.С., Берестов А.А. Новое о климате // Вестник РАН. 2005. Т. 75. № 2. С. 130.

¹⁴ Ле Руа Ладюри Э. История климата с 1000 года. С. 16 сл.

¹⁵ См. подробнее: Карпюк С.Г. Климатический детерминизм и история климата в работах В.В. Клименко // ВДИ. 2007. № 1 (в печати).

¹⁶ Клименко В.В. Холодный климат... С. 17–19.

обладал «чутьем реального»¹⁷. Но не мешали ли подобному чутью явные политические пристрастия Ксенофонта, его лаконофильство? Конечно, это так, но у Ксенофонта есть одно важное преимущество: он не хитёр, скорее прост. В знаменитом рассказе Эдгара По «Золотой жук» главный герой Уильям Легран разгадывает криптограмму, составленную пиратами – не слишком образованными людьми. Леграну легко удалось восстановить разделение на слова по простой причине: пираты в том месте, где следует сделать пробел, наоборот, непроизвольно приближали значки друг к другу. Пытаясь затруднить дешифровку текста, они, по сути, ей способствовали. Подобная ситуация в чем-то напоминает процесс анализа текстов Ксенофонта. Только один пример: в военном контексте словом ὄχλος историк обычно обозначал войско, которое либо не построилось, либо отступало (т.е. не находящееся в боевом порядке). Но спартанское войско отступало в битве при Левктрах в 371 г. под натиском толпы фиванцев (ὕπὸ τοῦ ὄχλου ὠθοῦμενοι ἀνεχώρουν) (Hell. VI, 4, 14). Для лаконофила Ксенофонта даже бегущие спартанцы – не толпа, а теснящие их фиванцы – ὄχλος!¹⁸ Какой еще автор IV века использует выражение «Зевс снежит» (ὕψη ὁ θεός), свойственное эпосу или, по крайней мере, ранней архаике, а Ксенофонт пишет именно так (Сунег. 8, 1).

Ксенофонт – один из самых, если можно так выразиться, снежных или «зимних» греческих авторов классической эпохи. Со снегом и морозом ему приходилось неоднократно сталкиваться. Очевидно, греческое (и не только «сократическое») воспитание предполагало закаливание. В «Облаках» Аристофана Правда призывает Стрепсиада научиться «ненавидеть агору, и избегать (теплые) купальни» (μισεῖν ἀγορὰν καὶ βαλανείων ἀπέχεσθαι – 991); она же вспоминает о старых добрых временах, когда дети не кричали, не шумели и чинно шли на занятия к кифаристу «все вместе нагими, хотя бы с неба и падала снежная крупа» (τοὺς κωμῆτας γυμνοὺς ἀθροοῦς, καὶ κριμνώδη καταίφοι – 965). Конечно, в данном случае нужно делать скидку на комическое преувеличе-

¹⁷ Грабарь-Пассек М.Е. Ксенофонт // История греческой литературы. Т. П. М., 1955. С. 125.

¹⁸ См. подробнее: Карпюк С.Г. 1) ὄχλος от Эсхила до Аристотеля: история слова в контексте истории афинской демократии // ВДИ. 1995. № 4. С. 42–43; 2) Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 113–115.

ние, но направленность очевидна; можно также сослаться по этому поводу и на спартанские обычаи.

Возможно, Ксенофонт еще подростком или юношей слышал воспоминания Сократа о суровых зимовках афинского войска под Потидеей (впрочем, это только предположение; доблесть Сократа при перенесении суровой зимы была описана в платоновском «Пире»)¹⁹. Широко известен рассказ Алкивиада о Сократе: «Нам довелось отправиться с ним в поход на Потидею и вместе там столоваться. Начну с того, что выносливостью он превосходил не только меня, но и вообще всех... Точно так же и зимний холод – а зимы там жестокие (δεινοὶ γὰρ αὐτόθι χειμῶνες) – он переносил удивительно стойко, и однажды, когда стояла страшная стужа и другие либо вообще не выходили наружу, либо вы выходили, напялив на себя невесть сколько одежды и обуви, обмотав ноги войлоком и овчинами (καὶ ἐνελιγμένῳ τοὺς πόδας εἰς πῖλους καὶ ἀρνακίδας), он выходил в такую погоду в обычном плаще (ἔχων ἱμάτιον) и босиком шагал по льду легче, чем другие, обувшись. И воины косо глядели на него, думая, что он глумится над ними» (Plat. Symp. 219e, 220b, пер. С.К. Алта).

Очевидно, еще до своего отъезда в армию Кира в 401 г. Ксенофонт мог наблюдать сильный снегопад в Аттике зимой 404/3 г., который затруднил действия «тридцати правителей» против Фрасибула. Ксенофонт весьма реалистичски описал этот снегопад в «Греческой истории». Вероятно, он и сам был в числе «трех тысяч» ополченцев, «засыпанных снегом» при осаде Филы: «Сейчас вслед за этими событиями Фрасибул, совершив из Фив вылазку с отрядом приблизительно из 70 человек, захватил укрепленный пункт Фила. Тридцать правителей вышли ему навстречу из города с отрядом из трех тысяч вошедших в список граждан и всадников. Была чудная ясная погода» (Xen. Hell. II, 4, 2, пер. С.Я. Лурье). Группа молодежи пыталась взять укрепление, но неудачно. «Тогда тридцать правителей решили обнести крепость со всех сторон стеною, чтобы повести правильную осаду и отрезать подвоз съестных припасов. Но ночью выпал густой снег и шел весь следующий день. Окоченевшие от снега (засыпанные снегом – С. К.), они вернулись в Афины (ἐπιγύγεται τῆς νυκτὸς χιῶν

¹⁹ Пир, описанный Ксенофонтом, был устроен Каллием в честь победы своего любимца Автолика на гимнастических состязаниях и происходил, очевидно, в Великие Дионисии 422 г. Ксенофонт утверждал, что сам присутствовал на нем (Symp. I, 1). Пир Платона у трагика Агафона относится к 421 г. (Plat. Symp. 173a).

παμπλήθους καὶ τῇ ὑστεραίᾳ. οἱ δὲ υἰφόμενοι ἀπῆλθον εἰς τὸ ἄστυ), причем обоз потерпел жестокий урон от стрел защитников Филы. Тогда правители поняли, что если не будет надлежащей охраны, неприятель примется грабить поля Аттики, и отправили к границе почти весь лакедемонский гарнизон и две филы всадников. Этот караул был размещен в стадиях пятнадцати от Филы. Здесь он расположился лагерем в кустах и был настороже» (Xen. Hell. II, 4, 3–4, пер. С.Я. Лурье).

Итак, войско «тридцати правителей» попало под сильный и продолжительный снегопад. Отмечу, что сыпал *густой снег*, но вряд ли ударил сильный мороз. Ситуация в целом очень похожая на снегопад начала января 2002 г. в Афинах. Окоченели же античные афиняне из-за отсутствия зимней одежды и особенно обуви, поскольку не могли ее напасти на всё ополчение²⁰. Однако немногочисленный отряд все же оставался в кустах (поскольку снег уже растаял? или у них было теплое обмундирование?). Отмечу сразу же, что сильный снегопад в Аттике Ксенофонт описывает как достаточно редкое, но никак не катастрофическое природное явление. В других своих сочинениях, описывая просто сильный снегопад, он обычно пишет: γίγνεται τῆς υἰκτὸς χιῶν πολλή (например, Xen. Anab. IV, 4, 8).

Через несколько лет Ксенофону предстояло значительно более длительное пребывание в холодных климатических условиях. Понятно, что речь идет о походе десяти тысяч греков, описанном в знаменитом «Анабасисе». Одним из его контрапунктов является описание тяжелейшего перехода «десяти тысяч» через заснеженные горы Западной Армении (4-я и 5-я главы четвертой книги). Хотя, следует отметить, что в краткой аннотации «Анабасиса», которую Ксенофонт дает в начале третьей книги «Греческой истории», прямого указания на этот эпизод нет: «Как Кир собрал войско, как он с этим войском отправился вглубь страны против брата, при каких обстоятельствах произошла битва, как Кир погиб и как после этого грекам удалось благополучно добраться к берегу моря, – обо всем этом написано уже в книге сиракузца Фемистогена» (Xen. Hell. III, 1, 2).

Итак, во время возвращения греческих наемников из Месопотамии к Черному морю, Ксенофонт вместе со своими сото-

²⁰ Теплая зимняя одежда, очевидно, не была «личной», а выдавалась по мере надобности, о чем свидетельствует слова хора из аристофановских «Ос» (стк. 441 слл.). Ср. Nom. Od. XIV, 476.

варищами пришлось совершить в ноябре-декабре 401 г. зимний горный переход через хребты Западной Армении, высшей точкой которого стал перевал Тохталы, 1300–1400 м, немного западнее озера Ван²¹, когда греки «расположились лагерем, а ночью выпал обильный снег. Поэтому утром решили разместить солдат и всех начальников по квартирам в деревнях, так как нигде не было видно неприятеля и казалось, что обильный снег достаточная гарантия безопасности» (Xen. Anab. IV, 4, 8, пер. М.И. Максимовой). Далее ситуация только ухудшилась: «Но в то время, как они таким образом проводили ночь, выпал такой глубокий снег (ἐπιπίπτει χιών), что он покрыл оружие и лежавших на земле людей и как бы сковал по ногам вьючный скот. Было очень боязно встать, потому что выпавший и нерастаявший снег согревал лежавшего под ним человека. Когда же Ксенофонт решил встать неодетым (γυμνὸς ἀναστὰς) и начал колоть дрова, то тотчас же встал еще один человек, отнял у него топор и принялся за рубку дров. Вслед за этим и другие начали подниматься, разжигать костры и натираться мазью... Тогда решили вновь разместиться (в деревнях) по квартирам в домах. Солдаты радостно, с громкими криками, отправились к домам и к удовольствию...» (IV, 4, 11–12, 14).

Что можно добавить к этому отрывку? Только то, что Ксенофонт описывал именно личные, собственные впечатления. Греческие воины вполне могли ночевать под снегом, но не как правило, а в виде исключения, и, конечно же, предпочитали ночевку в домах. Отмечу и физическую подготовку греков, и спокойствие и выдержку автора «Анабасиса», переносившего и описывавшего подобные невзгоды как должное.

Впрочем, главные испытания для греков были еще впереди. Греки «пустились в путь по глубокому снегу... и в тот же день, перейдя через гору, на которой Тирибаз намеревался напасть на них, стали лагерем. Отсюда они пошли по пустынной местности в три перехода 15 парасангов до реки Евфрата и перешли ее, причем вода доходила людям до пояса. Говорили, что истоки реки находятся неподалеку. Отсюда они прошли по равнине, покрытой глубоким снегом, в три перехода 13 парасангов. Третий переход был очень тяжел, так как северный ветер дул прямо в лицо, все

---

²¹ Hoffmeister E. von. Durch Armenien, Eine Wanderung und Der Zug Xenophons bis zum Schwarzen Meere. Eine militaer-geographische Studie. Lpz.-B., 1911. S. 235-236.

замораживая и приводя людей в состояние окоченения²²... Глубина снега достигала 1 оргии, и из-за этого погибло много вьючного скота и рабов и до 30 солдат. Ночь эллины провели у костров... Где горел костер, там вследствие таяния снега образовывались большие ямы, доходившие до самой земли, поэтому можно было измерить глубину снега. Отсюда в течение всего следующего дня они шли все по глубокому снегу, и много людей изнемогало от голода. Ксенофонт, находясь в арьергарде, подбирали упавших и недоумевал, что у них за болезнь. Но когда один из сведущих людей сказал ему, что они, очевидно, истощены голодом и что, съев чего-нибудь, они встанут на ноги, он прошел к обозу и, найдя запасы съестного, стал раздавать их сам и рассылать их через людей, способных дойти до голодающих. Вкусив пищи, они встали и пошли дальше...» (Xen. Anab. IV, 5, 1–9). «Некоторые солдаты стали отставать: у них началась под влиянием снега болезнь глаз, у других пальцы на ногах отмерзали вследствие холода. Защитой для глаз от воздействия на них снега служили куски чего-нибудь черного, носимого перед глазами во время похода, а для предохранения ног надо было непрерывно двигаться, не успокаиваясь ни на минуту, а на ночь разуваться. Если кто-либо ложился, не сняв обуви, то ремни врезались ему в ноги и обувь примерзала; ведь поскольку старая обувь изнашивалась, башмаки, так называемые карбатыны, были сделаны из недавно содранной бычачьей кожи...» (IV, 5, 12–14).

Детали, которые сообщает Ксенофонт, вновь не позволяют усомниться в личном участии автора в описываемых им событиях. Конечно, большинство сотоварищей Ксенофонта видело снег и до этого, но перемещаться в заснеженных горах при минусовой температуре – совсем другое дело. Сам Ксенофонт, очевидно, не имел до этого понятия о том, что человеческий организм во время мороза нуждается в усиленном питании. Наиболее серьезной проблемой было отсутствие подходящей обуви, защита глаз от света. Воины-греки в принципе могли ночевать в снегу, однако это

---

²² А. Петерс принимает в 3-м параграфе чтение πέιτε, основываясь на одной из авторитетных рукописей. Другие дают прочтения «тринадцать» либо «пятнадцать», что маловероятно, исходя из тяжести «снежных» переходов (ведь в гораздо более благоприятных условиях за три предыдущих перехода было пройдено 15 парасангов). См.: Xenophon. *Expeditio Cyri* / Ed. C. Hude. Cur. A. Peters. Lpz., 1972. P. 136, ll. 2-3.

не могло продолжаться долго. Поэтому возможность ночевки в домах местных или в жилых пещерах, которые широко распространены в центральной и восточной Анатолии, воспринималась с энтузиазмом.

Даже когда главным противником были не войска противника, а погода, войско стремилось маршировать по лохам (IV, 5, 4–6). На одной ночевке были сгруппированы возглавляемые одним стратегом несколько лохов и вспомогательные войска, которые составляли более крупное воинское соединение – таксис (IV, 4, 7–9; IV, 5, 33–34)²³. Потери среди воинов, как указывает Ксенофонт, были не слишком велики; в гораздо большей пропорции погибали от холода не подготовленные к физическим трудностям греческой системой воспитания рабы и слуги.

Нужно отметить, что и сам Ксенофонт, и другие воины вполне адекватно оценивали опасности зимнего перехода, во всяком случае, после его завершения, о чем свидетельствует эпизод, реальный или вымышленный, описанный в пятой книге «Анабасиса», когда солдаты потребовали отчет у стратегов, а самого Ксенофонта обвинили в самоуправстве и нанесении побоев: «Ксенофонт приказал первому обвинителю сказать, где он был побит. Тот ответил: “Там, где мы погибали от холода и где было очень много снега”. Ксенофонт сказал: “В самом деле, когда была такая зима, о которой ты говоришь (χειμῶνος γὰρ ὄντος οἴου λέγεις) – когда хлеба не хватало и от вина не осталось даже винного запаха и мы изнемогали от множества трудов, а враги следовали за нами по пятам...”» (V, 8, 2, пер. М.И. Максимовой, с изменениями).

Но если во время «снежного перехода» в Армении мороз, очевидно, не был сильным, то во Фракии, на службе у Севфа, Ксенофонту пришлось столкнуться как с достаточно серьезным снежным покровом²⁴, так и с сильными морозами. Греческий автор оценил при этом практичность одежды фракийцев – их зимние шапки, длинные плащи-накидки. Зимние холода во Фракии, очевидно (вопреки

---

²³ Lee J. W. I. The Lochos in Xenophon's Anabasis // Xenophon and His World. Papers from a Conference Held in Liverpool in July 1999 / Ed. by C. J. Tuplin (Historia. Einzelschriften. Ht 172). Stuttgart, 2004. P. 305. Можно вспомнить и о дословном переводе *lochos*: группа бойцов, лежащих вместе (ibid. S. 306).

²⁴ Севф по глубокому снегу выискивал следы противника (Xen. Anab. VII, 3, 42).

сомнительным исчислениям голландского комментатора)²⁵, доходили до 10 градусов мороза (вино, во всяком случае, замерзало). Греческий автор так описывал этот эпизод: «Тем временем выпал глубокий снег и настал такой холод, что вода, приносимая к обеду, замерзала, так же как и вино в сосудах (ἦν δὲ χιῶν πολλή καὶ ψυχρὸς οὕτως ὥστε τὸ ὕδωρ ὃ ἐφέροντο ἐπὶ δεῖπνον ἐπήγγυτο καὶ ὁ οἶνος ὃ ἐν τοῖς ἀγγείοις)²⁶, и многие эллины отморозили себе носы и уши. Тогда выяснилось, почему фракийцы носят на головах и ушах лисьи шкуры, а также хитоны, прикрывающие не только грудь, но и бедра, а при верховой езде – плащи, доходящие до пят, а не хламиды (οἱ Θραῖκες τὰς ἀλωπεκᾶς ἐπὶ ταῖς κεφαλαῖς φοροῦσι καὶ τοῖς ὠσί, καὶ χιτῶνας οὐ μόνον περὶ τοῖς στέρνοις ἀλλὰ καὶ περὶ τοῖς μηροῖς, καὶ ζειράς μέχρι τῶν ποδῶν ἐπὶ τῶν ἵππων ἔχουσιν, ἀλλ' οὐ χλαμύδας) (Xen. Anab. VII, 4, 3–4, пер. М.И. Максимовой, с изменениями).

Итак, в «Анабасисе» автор описал преодоление климатических невзгод в одном ряду с другими трудностями, не преуменьшая, но отнюдь и не драматизируя трудности, связанные с зимними холодами. Хорошая физическая подготовка греческих воинов позволила минимизировать потери от холода.

Ремарки, касающиеся зимних холодов, разбросаны и в других сочинениях Ксенофонта. В «Воспитании Кира» упоминается охота в суровую стужу (αἶ πάγαι), которая является лучшей подготовкой к войне (Сугор. I, 6, 39). Для грека Ксенофонта использование персами зимой рукавиц – очевидный признак изнеженности (VIII, 8, 15–18). Характерно, что в «Воспоминаниях о Сократе» (II, 1, 30) таким же неестественным удовольствием считается употребление охлажденного питья (дословно: снега, χιόνα περιθέουσα ζητεῖς) летом.

Настоящим кладезем бытовых деталей является трактат Ксенофонта «О псовой охоте», известный у нас в старинном, но, по

²⁵ Stronk J.P. The Ten Thousand in Thrace. An Archaeological and Historical Commentary on Xenophon's Anabasis, Books VI. III-VI – VII. Amsterdam, 1995. P. 217–218, 224–225. Вызывает некоторое изумление расчет точки замерзания вина, исходя из температуры замерзания воды в 0°C: -3,9°C для 12%-ного алкоголя (ibid. P. 224). При 0°C замерзает дистиллированная вода в лаборатории; в обычных природных условиях вода замерзает в интервале от -3°C до -4°C. По мнению отечественных и зарубежных экспертов, вино замерзает при температуре на градус ниже его крепости.

²⁶ ἀγγεῖον – сосуд, мех (т.е. не обязательно глиняный).

моему разумению, совсем неплохом переводе Г.А. Янчевецкого. Он написан в Скиллунте (387–371 гг.), где Ксенофонт провел самые безмятежные годы его жизни: он жил со своей семьей в подаренном ему спартанцами поместье, занимаясь сельским хозяйством и охотой.

Сочинение «О псовой охоте» заполнено упоминаниями о зиме, поскольку зимняя охота была распространена в древней Греции: «Лучше выводить (собак) летом до полудня, зимою в течение всего дня, осенью по полудни, весною перед вечером. Это наиболее подходящая пора» (Супег. 4, 11). И снова очевидны детали, которые автор знал на собственном опыте которыми он охотно делился с читателями: «Зимним утром, когда иней (πάχη) или мороз (πάγος), они (следы зайца) не пахнут, потому что иней втягивает теплые пары и держит, а мороз замораживает» (Супег. 5, 1). «Одежда (τήν στολήν), в которой ловчий выходит на охоту, не должна быть тяжелой... Сам охотник должен выходить на охоту в одежде простой и легкой, в такой же обуви, с палкой в руке» (Супег. VI, 5, 11). Или: «Выслеживать зайцев нужно тогда, когда снег идет такой (νίφη ὁ θεός), что закрывает землю, а если остаются черные пятна, то трудно искать. Если на старый снег падает новый и дует северный ветер, то следы держатся долгое время и не скоро тают; если дует южный ветер и солнце блестит, держатся недолго и скоро расплываются; а когда идет сильный снег, то ничего нельзя сделать, потому что он закрывает, как и сильный ветер, который все заносит²⁷. В таких случаях не следует брать собак, потому что снег жжет собаке в нос и в лапы, а от холода запах следа улетучивается (ἡ γάρ χιὼν καίει τῶν κυνῶν τὰς ῥίνας, τοὺς πόδας, τὴν ὀσμήν τοῦ λαγῶ ἀφανίζει διὰ τὸ ὑπέρπαυες)» (Супег. 8, 1–2, пер. Г.А. Янчевецкого, с изменениями).

²⁷ ὅταν δ' ἐπινίφη συνεχῶς, οὐδὲν δεῖ· ἐπικαλύπτει γάρ· οὐδὲ ἄν πνεῦμα ἢ μέγα· συμφοροῦν γάρ τὴν χιόνα ἀφανίζει. Некоторые издатели и переводчики (особенно из не слишком холодных стран, из Англии и Голландии) не слишком доверяют Ксенофону и стремятся внести исправление: вместо глагола ἐπρινίφω (идти, покрывать – о снеге) предлагается глагол ἐπινεφέω (покрывать, окутывать облаками). [ἐπινίφη van Leeuwen, E.W. Marchant: «When it is cloudy and the wind is in the north»]. Понятно, что немецкий издатель и русский переводчик не идут по этому ложному пути: снег в древней Греции зимой был, и даже сейчас горнолыжные курорты в Дельфах и на Пелопоннесе функционируют с декабря по апрель – май.

Вообще для Ксенофонта-землевладельца характерно традиционное, крестьянское отношение к годовому циклу, которое можно встретить еще у Гесиода. Зима – время приостановки деятельности, время подготовки будущего урожая: «Случка собак происходит зимою, при остановке работ, чтобы сука могла к весне в покое произвести хорошее потомство, так как это время самое лучшее для произрастания собак... Побуждение к случке продолжается 14 дней... Носит сука 40 дней» (7, 1-2, пер. Г.А. Янчевецкого, с изменениями).

Однако Ксенофонт-гражданин, Ксенофонт-воин, Ксенофонт-писатель этому циклу традиционного общества уже противостоял; зима – время не только отдыха, но и активной деятельности в самых разных сферах политической жизни.

Характерно, что Ксенофонт, даже стремясь подражать Фукидиду в хронологическом оформлении своей «Греческой истории», очень быстро отказывается от фукидидовского деления года на лето и зиму²⁸. Сперва ученик еще как-то пытался следовать мэтру: «На другой год [409] (τῷ δὲ ἄλλῳ ἔτει) афиняне окружили стеной Форик...» (Хер. Нелл. I, 2, 1); «и вот пришла зима (καὶ χειμῶν ἔπτηι)», в течение которой сиракузские военнопленные бежали из заточения (I, 2, 14). Лексические различия между Фукидидом и Ксенофонтом очевидны: понятие «летней кампании» Ксенофонт не использует изначально, заменяя «лето» «годом», да и зима в дальнейшем быстро исчезает из датировочных характеристик.

При описании следующего года Ксенофонт формально еще следует, если не фукидидовской лексике, то фукидидовским хронологическим принципам: «Так закончился год...» (I, 2, 19). И далее: «В следующем году [408] (τοῦ δ' ἐπιόντος ἔτους) был сожжен молнией храм Афины в Фокее. Когда же закончилась зима... с наступлением весны... афиняне уплыли со всем войском» (I, 3, 1). На первый взгляд, все признаки фукидидовской хронологии присутствуют, но, если присмотреться, события всего года излагаются нерасчлененно.

Далее Ксенофонт предпочитает «открывать» год стандартным выражением «на следующий год» (τῷ δ' ἐπιόντι ἔτει): «На следующий год [406] было лунное затмение и сгорел древний храм Афины в Афинах...» (I, 6, 1); «На следующий год [405]... Лисандр

²⁸ О фукидидовском отношении к зиме см.: Карпюк С.Г. Зима и зимние кампании в «Истории» Фукидида // ВДИ. 2006. № 3.

прибыл в Эфес» (II, 1, 10); «На следующий год [404] народ постановил избрать тридцать человек...» (II, 3, 1). К середине второй книги «Греческой истории» «зимняя кампания» окончательно исчезает из датировочной практики, и даже знаменитый аттический снегопад зимой 404/3 г. Ксенофонт описывает вне «зимней» хронологии (II, 4, 3).

Начало многих лет вообще никак не фиксировалось Ксенофонтом, и они «растворялись» в общем потоке повествования. Иногда начало периода военных действий связывается с наступлением весны (а не лета): с наступлением весны 398 г. Деркилид отправляется из Вифинии в Лампсак (III, 2, 6), с наступлением весны 395 г. Агесилай собирает в Эфесе свое войско (III, 4, 16). Используются для датировки и этапы деятельности любимых Ксенофонтом героев: «В то время как раз окончился год с тех пор, как Агесилай отплыл из Лакедемона» (III, 4, 20, пер. С.Я. Лурье).

Таким образом, для Ксенофонта фукидидовская хронология (деление на летние и зимние кампании и даже на годы вообще) очень быстро стала обузой, и он с легкостью с ней расстался. Следует отметить, что выделение зимних кампаний должно было казаться неестественным Ксенофонту, который сам вместе со своими товарищами зимой 401 г. преодолевал заснеженные перевалы и долины Армянского нагорья, а следующей зимой в лютые морозы воевал во Фракии.

* * *

Биография Ксенофонта – пример преодоления сезонных климатических трудностей. Наверное, это характерно и для всей древнегреческой цивилизации, цивилизации преодоления. Показательно, в каком контексте Ксенофонт описывал зиму и зимние холода: для него это не было выдающимся событием, кратковременный снег и холод – в порядке вещей. Это свидетельствует как о том, что писатель жил в достаточной суровой (для Греции) климатический период, так и об отношении к зиме и холодам.

Важно отметить, что зимние сюжеты и изображения людей в зимних одеждах не пользовались особой популярностью среди афинских вазописцев архаической и классической эпохи. Только амазонок, скифов и прочих варваров было принято изображать тепло одетыми. Вещи, которые с натяжкой можно ассоциировать с зимней порой, иногда фигурируют в бытовых изображениях. Например, на донышке большой краснофигурной чаши Никосфе-

на (около 520 г.) изображена девушка (гетера?), которая держит в руках полусапожки²⁹. Однако девушка изображена обнаженной, собирающейся умываться, и ничто не указывает на холодное время года. «Зимние» башмачки-полусапожки здесь – не более чем модный аксессуар.

Даже в «Иконографическом словаре классической мифологии» – наиболее полном компендиуме мифологических сюжетов – трудно найти хоть какой-либо «зимний» сюжет. Во всяком случае, мне этого сделать не удалось. Нет никаких «зимних» сцен в сюжетах с Дионисом, праздники в честь которого приходились как раз на зимние месяцы. То же самое можно сказать и о сюжетах с Гераклом; разве что на одном изображении Геракла на краснофигурной аттической пелике 490–480-х годов герой изображен в львиной шкуре, натянутой на голову (и чем-то напоминающей куртку с капюшоном)³⁰. Однако в данном случае на иконографию Геракла повлияла скорее персидская одежда, с которой греки хорошо ознакомились в разгар греко-персидских войн, когда и была изготовлена данная пелика.

Сохранилось множество изображений бога северного ветра Борея; однако и этот бог изображался в обычной летней одежде³¹. Редчайшее исключение – изображение Борея в горологии Андроника на римской агоре в Афинах³². Однако это изображение позднее (I в. до н.э.), да и здесь изображен скорее не зимний плащ (хлена), а гиматий. Весьма показательное изображение на краснофигурном сосуде «мастера Алкимаха» (460–450-е годы), на котором под дуновением Борея распахивается плащ на плече женщины³³. Никакой специально зимней одежды здесь не изображено! То же самое можно сказать и о краснофигурном сосуде из собрания университета в Майнце (430 – 420-е годы), на котором изображены под дуновением Борея две женщины в гиматиях, накинутых

²⁹ Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Каталог / Сост. А.А. Передольская. Л., 1967. № 9. Табл. VII, 2. Комментарий: С. 16–17.

³⁰ *Lexicon iconographicum mythologiae classicae* (LIMC). Zürich – München, 1988. IV. 1. P. 798 – комментарий; IV, 2. Pl. 521 (Herakles 1324) – изображение Геракла, который несет на дубине-кормысле две амфоры (с водой?).

³¹ LIMC. III. 1 (1986). P. 133–142; LIMC. III. 2 (1986). Pl. 108-122 (Boreas 1-78).

³² LIMC. III. 2 (1986). Pl. 109 (Boreas 5).

³³ *Ibid.* Pl. 114. (Boreas 37).

на нижние плащи, и в сандалиях³⁴. На единственном изображении дочери Борея, нимфы Хионы (в мифах о рождении которой упоминается, что вполне понятно, снег), она изображена в длинной верхней одежде, но босиком³⁵.

Таким образом, афинские вазописцы стремились не изображать холода и предметы зимней одежды (сисюру, хлену), которые использовались при похолоданиях³⁶. «Идеальный образ» и даже «бытовой образ» грека архаической и классической эпохи был несовместим с зимними холодами и специальной зимней одеждой. Изображения на вазах свидетельствуют скорее не о реальных климатических условиях, а о греческих представлениях о них; идеологии здесь больше, чем климатологии. Греческие представления о «непрестижности» зимней жизни вольно или невольно передались и современным исследователям³⁷. Показательна дискуссия о жилищах первых поселенцев греческого поселения Борисфен на острове Березань. Землянка однозначно трактуется как признак негреческого жилища³⁸ (хотя автор каталога ранее справедливо отмечает, что суровые климатические условия сыграли роль в более поздней колонизации греками Причерноморья)³⁹. Но ведь первым поселенцам, до постройки капитальных домов в третьей четверти VI в. до н.э., чтобы пережить суровые зимы этого

³⁴ Ibid. Pl. 117 (Boreas 51).

³⁵ LIMC. III, 1 (1986). P. 269-271; LIMC. III, 2 (1986). Pl. 217.

³⁶ См. также классическое пособие Джона Бордмана о чернофигурной афинской керамике: Boardman J. Athenian Black Figure Vases. A Handbook. L., 1991. Нет изображений специфически зимней одежды, но только хитон, хламида, гиматий, иногда пеплос (ibid. P. 205–207).

³⁷ Соловьев С.Л. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье // Борисфен – Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. К 120-летию археологических раскопок на острове Березань. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2005. С. 6-24.

³⁸ «На протяжении первых трех четвертей VI в. до н.э. единственным типом жилищ Березанского поселения были заглубленные в землю постройки – землянки и полуземлянки, площадью порядка 5-16 кв. м, имевшие весьма примитивное архитектурное решение: для них характерна простота конструкций и скромность интерьера... Всё это дает возможность предполагать, что доля выходцев из варварской среды в составе населения Березанского поселения первых трех четвертей VI в. до н.э. была весьма значительна» (Соловьев С.Л. Начало античной эпохи... С. 16-17).

³⁹ Соловьев С.Л. Начало античной эпохи... С. 7.

крайнего севера греческого мира, столь красочно описанного Геродотом, нужны были не шалашики, а теплые жилища, и поэтому в землянках вполне могли жить и греки.

Греки не любили зиму, не считали ее достойной изображения, однако греческая цивилизация смогла приспособиться к климатическим изменениям, выработала свой собственный способ их преодоления. Холодный климатический фон и колебания климата не стали помехой для развития древнегреческой цивилизации, напротив, возможно, даже способствовали выработке специфического модуля преодоления природных невзгод.

Напоследок можно напомнить знаменитый стасим первый «Антигоны» Софокла (стк. 340 слл.): всепогодное мореплавание (строфа 1) и преодоление суровости климата (строфа 2) поставлены там в ряду величайших достижений человека (земледелия, рыболовства и охоты, коневодства и скотоводства, интеллектуальной деятельности, строительства, медицины, хитрости). Случайно ли, что «Антигона» была поставлена около 440 г., через год или два после начала театральных представлений на Ленеях, которые проходили в конце января – начале февраля, в самый разгар афинской зимы. А сочинения Ксенофонта можно рассматривать как своеобразный памятник, трофей преодоления неблагоприятных климатических условий древнегреческой цивилизацией.

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 5

**Санкт-Петербург
2006**